

БЫТОПИСАТЕЛЬ СТАРОЙ СИБИРИ

1

В декабре 1936 года исполнилось тридцать пять лет со дня смерти писателя народника, бытописателя старой дореволюционной Сибири Николая Ивановича Наумова. В литературе семидесятих годов Наумов занимал одно из видных и почетных мест, творчество его было заметным потоком в русле народнической литературы. Наумова любили, произведениями его зачитывались. В 1897 году, в статье о Наумове, Плеханов писал: «В семидесятих годах Н. И. Наумов пользовался огромной популярностью в самых передовых слоях нашей народнической (тогда самой передовой) интеллигенции. Его произведениями зачитывались. Особенный успех имел сборник «Сила солому ломит».

Сборник «Сила солому ломит» — первый сборник сочинений Н. И. Наумова — был издан в 1874 году кружком чайковцев. Сборником этим народники широко пользовались в своей пропагандистской работе среди крестьян. Чайковец С. С. Синегуб в мемуарах отмечает, что пропагандисты, отправляющиеся в деревню, на ряду с другой литературой, брали с собой наумовские рассказы и очерки: «Еж», «Мирской учет», «Юровая». Народник С. Ковалик, перечисляя книги, распространяемые пропагандистами, называет наумовский сборник «Сила солому ломит».

Произведения Н. И. Наумова по свидетельству народников находили живой отклик среди крестьян. Видный деятель общества «Земля и воля» Р. В. Аптекман, ходивший в 1874 году «в народ», как пропагандист, вспоминает: «Крестьяне (с Муратовка, Пензенской губернии) любили слушать не только «науку», но и чтение наших беллетристов народников. «Сила солому ломит» Наумова особенно нравилась им. «Словно про нас написано, не сказка, а быль», говорили они по поводу этого рассказа. Наумов обыкновенно служил поводом к самому живому обмену мыслей».

Семидесятник Л. Э. Шишко, принадлежавший в 1873 — 74 годах к кружку чайковцев, рассказывал: «Из легальных брошюр, распространявшихся чайковцами, наибольшим успехом пользовались: 1) «Дедушка Егор», 2) рассказы Наумова, изданные кружком чайковцев под общим заглавием «Сила солому ломит» в виде довольно большого тома, но легко разби-

вавшегося на отдельные брошюры; лучшие из этих рассказов представляли собою резкий протест против кулачества, поддерживаемого начальством, и производили довольно смелое впечатление как на рабочих, так и на крестьян».

Широкое пользование произведениями Н. И. Наумова для пропаганды создало ему репутацию полузапретного писателя. Н. Бельчиков в статье о Наумове приводит очень любопытный в этом отношении документ — записку министра юстиции графа Палена — «Успехи революционной пропаганды», составленную в 1875 году. «Подготавливая себе среди рабочего класса adeptов и помощников и в свою очередь пропагандистов, — пишет Пален, — вожаки этого дела распространяли свои мысли и взгляды путем устной пропаганды, а также посредством огромного количества книг и брошюр, написанных в форме общедоступных народных рассказов. Таковы: «Дедушка Егор», «Митюха», «Степные очерки» Левитова, «Очерк фабричной жизни Голицинского», «Сила солому ломит» и т. п. Во всех этих книжках пропагандируется мысль о безвыходном положении рабочего класса, об эксплуатации его капиталом, о гибельных последствиях кулачества и, наконец, выставляются редкие примеры успешного протеста со стороны задавленного крестьянства и вообще низших классов».

Н. И. Наумов нередко получал из разных мест страны письма-отклики непосредственно от своих читателей. «На меня ваш рассказ «Гонимые» — писал читатель из Омска — произвел глубокое впечатление. Я знал лично всех действующих лиц, и Михаила Мироныча Катайяева, окрещенного вами Катаевым, и городничего Андреева, и прочих». Другой читатель — крестьянин из с. Соловьевки, Киевской губернии, писал Наумову: «Из писателей я наиболее ценю и уважаю тех, которые близко к сердцу принимают мужицкое горе, невзгоды простого народа и которые так картинно рисуют нравы простого народа... Уважая вас, как писателя-народника, стремящегося открывать несчастья народа, его тяготу и все невзгоды и обращать внимание на облегчение горя бедного люда, я хотя и не знаком с вами, осмелюсь послать вам мое сердечное поздравление с пожеланием долгих лет счастливой жизни, а также и успехов на литературном поле».

Популярность Наумова была яркой, но недлительной. Уже в 1897 году Плеханов, в упомянутой выше, статье, писал: «Теперь, конечно, времена изменились, и никто уж не будет так увлекаться сочинениями Наумова, как увлекались ими лет двадцать тому назад».

Спрос на Наумова уже в девятисотых годах стал незначительным. Двухтомное собрание сочинений писателя, изданное в 1897 году, выдержало только одно издание, расходилось очень медленно. Издательница О. Попова в 1906 году, в письме жене Наумова, замечает, что «полное собрание сочинений, к сожалению, идет очень слабо, интерес к писателям-народникам пропадает настоящее время». Понимал и чувствовал это и сам Наумов. В одном из писем к литературному критику А. М. Скабичевскому, в

1894 г. он бросает такую фразу: «Тот момент, когда «Сила со- лому ломит» пользовалась такой популярностью, давно уже ми- новал и сделана в свою очередь преданием, да и времена те- перь не те».

Закат популярности писателя-народника Наумова вполне по- нятен. Наумов не был большим художником слова. В своих про- изведениях он не создал образов большого идейно-художествен- ного значения. Его популярность в 70-х годах покоилась на том, что он выражал взгляды и чаяния народников. И по мере того, как жизнь опрокидывала чаяния народников, разбивала их взгляды, по мере того, как Наумов скатывался к буржуазному либерализму, падал интерес к произведениям писателя.

Однако, нельзя сказать, что творчество Наумова достойно забвения. Нет! Наумов был глубоко демократическим писателем, произведения его выражали (особенно в первый период творче- ства) революционный демократизм, были прогрессивными. Он был прекрасным знатком жизни крестьянства, особенно сибир- ского, в его творчестве нашел широкое освещение быт дорево- люционной сибирской деревни, в его рассказах и очерках прав- диво, с глубоким сочувствием нарисованы «бедствия народны». Произведения Наумова, среди которых много ярких, талант- ливых страниц, несомненно представляют интерес для современ- ного советского читателя, являются ценным литературным на- следством прошлого.

2

Н. И. Наумов родился 16 мая 1838 г. в Тобольске. Отец его был чиновником, служил в Тобольске в магистратуре, потом в Омске прокурором, в Томске советником губернского правления.

Семи лет маленький Наумов остался сиротой без матери, рос одиноким, заброшенным ребенком. «Судьбе угодно было, — пи- сал Наумов в своих воспоминаниях о детстве, — чтобы с самого раннего детства я видел одни только печальные картины чело- веческих страданий. Дом наш в г. Омске выходил окнами на площадь перед крепостным валом. Летом, обыкновенно в один- надцать часов утра, на этой площади производили учение сза- дат, и тут же их секли и розгами, и палками, и шомполами от ружей. Далеко разнесились крики терзаемых жертв. На этой же площади гоняли сквозь строй и солдат и преступников. Я и те- перь без содрогания не могу вспомнить этих сцен. Я плакал, забивался в подушки, чтобы не слышать барабанного боя и раздирающих душу криков...

В эти ранние годы я, хотя и бессознательно, стал уже нена- видеть всякое насилие. Много мне способствовал к развитию этой ненависти живший у нас в кучерах сосланный в Сибирь по воле помещика старик Памфил. Это был добрый, умный и чест- ный крестьянин Тамбовской губернии. Он был крепостной чело- век Тютчева, был избран в своем селе старостой. Мир уполномо- чил его идти к барину в Питер с жалобой на злоупотребле- ния и притеснения управляющего, и за это он был наказан

500 ударами розог и сослан в Сибирь. Он жил у нас около 20 лет. Паифил был мастерский рассказчик. Речь его была плавная, образная, пересыпанная пословицами, остротами, прибаутками. Я заслушивался его рассказами о житье-бытье крестьян, о наглом насилии и произволе, какие совершают над ними помещики, обирая у крестьян последнее для того, чтобы прожизагь и проигрывать в карты. Сцены из его рассказов, как отрывали детей у отца и матери, продавая их другому помещику, или проигрывали их в карты, производили на меня потрясающее впечатление».

Наумову шел девятый год, когда отца его перевели на службу в Томск. Мальчика отдали в гимназию. Но он пробыл там только три года, вышел из четвертого класса после грубого замечания инспектора о его бедной одежде. Отец Наумова в это время вышел в отставку с двадцатью рублями в кармане и не мог обеспечить семью. Не желая быть в тягость семье, Наумов в 1856 году поступил на военную службу юнкером в Омске. Жизнь с солдатами много способствовала изучению их быта. В 1859 году он выступил в «Военном сборнике» с первым своим рассказом — «Случай из солдатской жизни». В 1861—62 гг. в «Светоче» появился цикл его рассказов под общим заглавием «Мирные сцены военного быта». В это же время в журнале Погоского «Народная беседа» был помещен рассказ тоже из военного быта — «Письмо» и в «Искре»¹ — юмористические сцены «Горе обличителю».

Еще в детстве Наумов испытал влияние ссыльных декабристов, с которыми был знаком его отец. Во времена юношества он увлекся демократической литературой конца 50 и 60 годов. Он читал статьи Чернышевского и Добролюбова, «Губернские очерки» Щедрина. Белинский был изучен им почти наизусть.

Чувствуя скудность своих знаний, Наумов вышел в 1860 г. в отставку, приехал в Петербург и начал посещать лекции в университете. Но вскоре он был арестован за участие в студенческих волнениях и демонстрациях и заключен в Петропавловскую крепость, затем переведен из крепости в Кронштадт и только через два месяца был освобожден. Наумов не вернулся обратно в университет и занялся литературным трудом.

В 1862 г. он сблизился с кружком будущих каракозовцев (вошел в худяковскую коммуну), в том же году был арестован по подозрению в участии в только что организовавшемся революционном обществе «Земля и воля». Но при обыске у него не было найдено ничего подозрительного и его выпустили через два с половиной месяца.

В 1863 году в «Искре» появляются два новых рассказа Наумова («Из писем моего приятеля» и «Доброе дело»), небольшой рассказ («Последнее прости») в журнале «Очерки» и прекрасный очерк из народной жизни «У перевоза», напечатанный в «Современнике» — передовом журнале того времени. Рассказ

¹ «Искра» — революционно-сатирический журнал народнического направления, издавался в 1859—1873 гг.

этот имел огромный успех. Однако, после напечатания его Наумов был вынужден замолчать почти на восемь лет. В 1864 году он уезжает из Петербурга на должность участкового заседателя земского суда в Сибирь (Тобольск, Омск), где в следующем же году был снова привлечен жандармами по делу «Общества независимости Сибири». И на этот раз не нашлось никаких улик против Наумова, но он был освобожден только в 1868 году. Некоторое время Наумов работает в Кузнецке и Томске, а в 1869 году снова возвращается в Петербург, обогащенный большим количеством материала из жизни сибирской деревни, обилием непосредственных впечатлений.

В начале 70-х годов начинается расцвет литературной деятельности и известности Наумова. В 1871 году в журнале «Дело» появляется его замечательный рассказ «Деревенский торгаш». В 1872 году — не менее яркое произведение «Юровая», в 1873 году — «Крестьянские выборы», «Мирской учет», «Еж». А в 1874 году чайковцы издадут все эти рассказы и очерки отдельной книгой «Сила солому ломит», с подзаголовком «Из быта сибирских крестьян». В 1881 году выходит из печати второй сборник его произведений из быта сибирских крестьян «В тихом омуте», а в 1882 году — третий: «В забытом краю».

В конце 70-х годов Наумов примкнул к группе народников, издававших журнал «Русское богатство» и «Устои». В 1884 году он снова уехал в Сибирь для службы в Мариинске в должности постоянного члена по крестьянским делам, продолжая сотрудничать в петербургских народнических журналах. Из Мариинска Наумов переезжает в Омск, затем в Алтайский горный округ последние годы жил в Томске. Умер он в декабре 1901 года.

3

Н. И. Наумов по праву считается писателем-семидесятником, т. е. одним из той плеяды писателей, творчество которых было отражением движения революционного народничества 70-х годов и составляет особую главу в истории русской литературы.

Первые рассказы Наумова, обратившие на себя внимание, появились в 1863 году, через два года после «освобождения» крестьян от крепостной зависимости, в период, который Ленин характеризовал следующими словами: «ни в одной стране в мире крестьянство не переживало и после «освобождения» такого разорения, такой нищеты, таких унижений и такого надругательства, как в России». (Ленин. «Пятидесятилетие падения крепостного права», т. XV, стр. 109).

«Русских крестьян господра благородные помещики «освобождали» так, что свыше пятой доли крестьянской земли,—писал Ленин в цитированной выше статье,—было отрезано в пользу помещиков. За свои, потом и кровью политые, крестьянские земли крестьяне были обязаны платить выкуп, т. е. дань вчерашним рабовладельцам. Сотни миллионов рублей этой данью крепостникам выплатили крестьяне, разоряясь все более и более. Помещики не только награбили себе крестьянской земли,

не только отвели крестьянам худшую, иногда совсем негодную землю, но сплошь да рядом понаделали доушек, т. е. так размежевали землю, что у крестьян не осталось то выпасов, то лугов, то леса, то водопоя. Крестьяне в большинстве губерний крестной России остались и после отмены крепостного права в прежней безвыходной кабале у помещиков. Крестьяне остались и после освобождения «низшим» сословием, податным помещиком, черной костью, над которой измывалось поставленное помещиками начальство, выкачивало подати, пороло розгами, рукоприкладствовало и скармливало».

Тяжесть положения крестьянства усугублялась тем, что к эксплуатации помещичьей после 1861 года прибавилась усилившаяся эксплуатация со стороны кулачества. Деревня стонала под двойным гнетом.

В первых же рассказах 60-х годов Наумов выступает как революционный демократ, борется против остатков крепостничества и против кулацкой эксплуатации. В очерке «У перевоза» Наумов рассказывает, как встретила деревня манифест об «освобождении» крестьян, как она представляла себе долго ожидаемую волю.

«Прочитал он это волю, — рассказывает герой очерка, слушали, слушали наши-то, только видят, что словно не по ихнему выходит. — Да так ли ты, батюшка, прочитал?.. спрашивают его. «Так, говорит, милые люди, слово в слово, как написано»... Вот только погода того, не скажу уж теперь, сколько время-то, и приди весть, что воля эта не та воля... Слушают наши мужики, а сумленье пуще их берет... потому дело вековое! Собрали, милый человек, крадучись сход за селом, долго это толковали»...

Крестьяне надеялись получить и помещичью землю и даже имущество помещиков. Но «только видят, что словно не по ихнему выходит», «что воля эта не та воля». А «дело вековое!» И они делают попытку протестовать, тайно собирают сход, посылают «которых побойчее к губернатору с челобитием». «Пришли к начальству, а там уже все знают. Ну и забрали. Вот и все дело, болезный мой».

Можно себе представить, каким сильным пропагандистским орудием был этот очерк в руках революционного народничества, боровшегося против крепостничества! И крестьяне любой деревни, слушая этот рассказ, говорили: «Словно про нас написано, не сказка, а быль».

Ярко антикрепостническими являются рассказы Наумова «Последнее прощанье», «Доброе дело». Однако, борьба против феодально-крепостнических пережитков в творчестве Наумова занимает незначительное место. Подавляющее большинство его рассказов и очерков посвящено изображению кулацкой эксплуатации в Сибири, ее бессердечности, наглости, обличительно-хищной стае кулаков, торговцев, скупщиков и их ставленников.

Сибирь была обширным полем для грабежа народа, для административного произвола и вопиющих злоупотреблений. При поддержке чиновников и духовенства, кулачество энергично экс-

платировало крестьянство, опутывало его сетью наглого ростовщичества. Один из героев произведений Наумова говорит о горах Алтая: «На вид-то только горы красивы, а как поживешь в них, присмотришься к тому, что творится в них, так бежал бы из них за тридевять земель. Поневоле махнешь только на них рукой, да и скажешь: «на то здесь и Сибирь, на то и глухая она сторона, чтобы всякая правда в ней за сказку другим казалась!»

Стон стоял над Сибирью. «Скорбно видеть, — восклицает Наумов в одном из своих рассказов, — когда плачет взрослый человек тем тяжелым грудным плачем, который подтачивает силы и часто оставляет на всю жизнь несгладимые следы в чертах лица и в характере. Вот этим-то надрывным плачем от шумной Волги до пустынных Оби и Енисея нередко оплакивает русский мужик свою горькую долю, свою безысходную нужду!»

Скорбно видеть! Наумов не мог не видеть и не мог молчать. И он пишет очерк за очерком, рассказ за рассказом, в которых неутомимо рисует перед читателем мрачные картины народных бедствий, полного бесправия, притеснений, наглых обираний со стороны «казны», властей, кулачества и торговцев.

В 1871 году Наумов выступает с рассказом «Деревенский торгаш». Он показывает в ярких сценах канун праздника дня, один из 365 дней года в с. Локти, Кузнецкого уезда. Это, мрачный, тяжелый день. Деревня, задавленная нуждой, бьется в сетях мироеда-торговца, «по-уличному» называемого «Петлей». Торговец обирает крестьян, издевается над ними, доводит их «до надрывного плача». Один из крестьян не выдерживает и бросает ему прямо в лицо: «Грабь, хватай на гроб, авось с грабежу-то горой раздует!.. Петля, так петля и есть: дави мир-то на свою душу, грабитель!..»

Через год Наумов печатает «Юровую» — «ярмарочные сцены». В селе Юровском, на Иртыше, ярмарка. В числе других приехал на нее купец Петр Матвеевич. «Каждую весну он оснащивал два павозка и отправлял на них своего шурина и племянника по деревням, лежащим по Иртышу, и на обские рыбные промыслы. На дешевенькие ситцы, платки, бродячи и мелкий товар, необходимый в быту крестьян, они выменивали рыбу и «задавали» деньги вечно нуждающемуся люду под осенний и «юровой» улов ее... По первому зимнему пути Петр Матвеевич сам объезжал все села и деревни для сбора рыбы от крестьян, забравших под улов ее деньги. Должники всегда с трепетом ждали его приезда. Каждый из них знал, что какое бы горе и нужда ни застигли его, он не мог рассчитывать на сходжение... А вопиющая нужда все-таки вынуждала этот бедный люд прибегать к нему за деньгами и отдавать свою лучшую рыбу за цены, не вознаграждающие даже и труд».

Должен был Петру Матвеевичу крестьянин бедняк по прозвищу Кулек. Кулек не соглашался отдать купцу рыбу за бесценок, чтобы покрыть свой долг. Он протестует:

«Бо-о-огат будешь, за экие-то деньги ее отбирать, с надсады-то карманы разлезутся, боязно за тебя же!»

И вот в избу бедняка вместе с торговцем является волостной

голова. Кулек не выдержал. «Ты подушную-то спрашиваешь, вздоху не даешь, — обращается он к волостному голове, — есть чего отдать, аль нет, а разорвись да выдай! Пушшай уж казна берет, ну-у, божье попущенье! За што ж ишо купцы-то наезжают грабить нас, а?»

Представитель власти помогает торговцу обобрать бедняка Кулек становится нищим.

«И эти возмутительные сцены, — восклицает Наумов, — ежедневно повторяются в этом забитом нуждою мире. И идет своим путем этот, веками установившийся порядок. И проглянет ли когда в этот темный истрадавшийся мир теплый луч разумной жизни, разумных человеческих отношений, один бог весть».

И эти возмутительные сцены ежедневно повторялись. Наумов рисует их в рассказах «Крестьянские выборы», «Мирской учет», в сценах «Погорельцы» и в очерках «Горная идиллия», «Еж», «Картинка с натуры» и многих других. Все эти произведения с предельной наглядностью иллюстрируют известное замечание Ленина о том, что «кулаки самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплуататоры», что эти «кровопийцы наживались на народной нужде».

Наумов много видел, побывал почти во всех уголках Западной Сибири, поле его наблюдений было широко. Он рисовал в своих произведениях «картинки с натуры» и из жизни и быта сибирского крестьянства, и переселенцев («Картинка с натуры»), и рабочих золотых приисков («Еж», «Паутина», «Таяжные коноводы»), и туземцев Западной Сибири — шорцев («Горная идиллия», «Сарбыска»). И во всем своем творчестве он выступал, как внимательный и вдумчивый наблюдатель.

Крестьяне в центре России задыхались от безземелья, бунтовали, боролись против помещиков огнем и дубинами. И чтобы «притоткрыть клапан», как писал Ленин, и «притупить» аграрные противоречия, помещики и их правительство стали развивать крестьянские переселения в Сибирь. Тысячи переселенцев пошли в Сибирь в надежде найти здесь привольные земли и свободные леса. Но когда они приходили сюда, земля оказывалась окутанной густой паутиной старожил-кулаков, крупных арендаторов и «кабинета его величества». Переселенцам часто давали такие земли, на которых нельзя было работать. Их направляли в степи, овеваемые суховеями, или в непроходимую Барабу, где, прежде чем поселиться, нужно было осушить болота, устроить мосты и гати. «Тысячами, — говорит один из официальных документов, — умирали поселенцы и крестьяне, усеивая своими костями болотистую Барабу».

В очерке «Картинка с натуры» Наумов рассказывает жуткую историю одного из сотен переселенческих поселков. «Глазам моим представилась, — писал он, — обширная, занесенная снегом равнина, усеянная редким березняком. На всем пространстве ее в беспорядке виднелись небольшие возвышения, напоминавшие скорее занесенные снегом могилы, чем жилые места». И люди в этом поселке напоминали тоже скорее заживо погребенных, чем живых людей.

— «Обида тут по малости будто, подошла, землю-то будто неспособную дали нам, — рассказывает Наумову один из жителей поселка. — Будто не на эту землю-то садились, не ее принимали в надел-то, а тут вот по соседству землю-то облюбили... и место-то выше... и земля-то, братец, подходящая... только бы сидеть на ней да хозяйствовать.. А на деле-то, вишь, как оборотилось... землю-то эту отрезали от нас да в ренду отдали... скопец тут в соседстве с нами пасеку держит, ну, и хлеба это по-многоу сеет... богате-ей скопец-то, ему, вишь, в отдали, эту землю-то... Вишь вот, у скопца-то одна душа да дороже наших шестидесяти восьми вытянула»...

Переселенцы ютились в ужасных условиях, «у иного хозяина конура-то собачья приглядней выглядит. Да как вы живете тут?».

— «Живем! — отвечает мужик, а сам едва, едва приподнялся и сел, опершись на руки, худой, черный весь, волосы всклокочились, губы тоже в коростах».

Переселенцы пухли от голода, умирали, но оставшиеся в живых не имели даже лопаты, чтобы выкопать могилу мертвецам. «Вот уж одного ребеночка прибрал господь, в снежку у землянки лежит. Земле бы предать надоть, да чего ты поделаешь, во всем поселке ни пшени, ни лома нет, ни заступа, чем ты могилу то выроешь?»

Наумов один из первых изобразил в литературе жизнь шорцев, в очерке «Горная идиллия», написанном на основе личных наблюдений в Осиновском улусе на реке Кандалепе (Горная Шория), он показал картины бесчеловеческой эксплуатации и разнузданного грабежа шорцев кулаками, чиновниками, башлыками, баями, миссионерами.

— «Совсем теперь гиблый край, сударь, становится, — рассказывает Наумову его собеседник. — Ведь, как мухи, с голоду инородцы эти мрут, и все потому, что их обируют и ни от кого защиты им нет... Ведь теперича иной раз, — сказать вам по совести нужно, — весь звериный улов инородца рублей может быть на сто, на полтора ста, коли не более за долг отбирают, который он уже в десять раз выплатил».

В рассказе «Еж» Наумов знакомит читателей с трудом и бытом рабочих на сибирских золотых приисках. Обсчеты, издевательство, кулачные расправы, розги — вот быт «золотой каторги».

Плеханов утверждал в статье о беллетристах-народниках, что Наумов в своем творчестве не шел дальше проповеди самой элементарной гуманности. Это неверно! В произведениях Наумова, особенно первого периода его творчества, мы видим, что герои его очерков не только «хлопают себя по бедрам», они протестуют, они вступают в открытую борьбу с эксплуататорами. Ярко и правдиво Наумов нарисовал в ряде своих очерков и рассказов облик выдвигающихся крестьянских протестан-

тов и борцов из рабочих. Это Карпов в рассказе «Еж», Бычков в «Крестьянских выборах», Калинин в «Юровой».

«В простонародьи нередко встречаются личности, — писал Наумов, — подобные Ивану Николаевичу (Калинину); они составляют то отрадное впечатление, на котором отдыхает ум наблюдателя, угнетенный однообразием типов большинства. В них, как в фокусе, отражаются те могучие живые силы, какие таятся в народе».

Протестанты Наумова призывают крестьян к сплоченности, к организованности, к борьбе.

! — «Взял пруттик и кажет мне, — рассказывает приказчик сврему хозяину о Калинине, — вишь, говорит, один-то его я пальцем сломаю, а коли, гозорит, метлу возьму, то и топором не с разу разрубишь! Так и вы, говорит, порозь-то каждого из нас об'едете, как кому требуется, а коли мы, говорит, теперя купно, обществом, так полоте-е-ещь уломать-то нас! А ноне мы, говорит, цену-то на' рыбу будем класть, мы' будем господа-то, а не вы! Тряхнул это шапкой, да и говорить боле не стал».

Калинин организует «мужицкую стачку», как выразился царский цензор в докладной записке об очерке «Юровая». «Он убедил своих однокрестьянцев не поддаваться на уловки скупщиков и установить свою цену на каждый род рыбы... Он находил какое-то упоение в постоянной борьбе то с мироедами, подтачивающими в корне народное благосостояние, то с волостными головами, писарями и сельскими старостами».

С большой теплотой и любовью рисует Наумов другого протестанта — Бычкова. Люди с характером Бычкова, пишет Наумов, «всецело отдаются своему делу, не останавливаясь ни перед чем и не щадя себя; в них много неискоренимой веры в правду и они доискиваются ее всеми путями; они незнакомы с разочарованием, хотя жизнь на каждом шагу наталкивает их на него, и когда перед ними закрываются все пути, ведущие к их цели, они пробивают новые и все-таки идут, идут к ней, пока не падут под бременем неравной борьбы».

Умный и настойчивый крестьянин Бычков отстаивает интересы «крестьянского мира». Крестьяне идут за ним, собираются даже выбрать его волостным старшиной. Это намерение, разумеется, не нравится кулакам и начальству; в волости кипит ожесточенная борьба. В ней принимают участие на стороне деревенской бедноты и рабочие (70 годы были эпохой первых шагов рабочего движения). Наумов, как внимательный наблюдатель, не мог не заметить, что рабочие — это уже не расплывчатая крестьянская масса, и он рисует их в своем рассказе, как сознательных, стойких людей в отстаивании своих интересов. Победа, хотя и временная, была одержана рабочими и беднотой.

В рассказе «Еж» Наумов показывает борца против эксплуатации из рабочей среды — Карпова, известного в тайге, на золотых приисках, под названием Ежа. «Карпов появился на приисках юношей и с тех пор не расставался с ними. Тяжесть работ и условий приисковой жизни преждевременно избородила лицо его морщинами и усыпала сединами темнорусые вьющиеся

волосы; но преждевременно состарившаяся жизнь способствовала в то же время развитию народного ума, находчивости и не поддающейся препятствиям энергии... Он не покинул ни одного прииска, не оставив по себе рассказа между рабочими, где бы энергичная фигура его не являлась протестующей против произвола и насилия».

На Г... прииске Карпов ведет пропаганду среди рабочих. Он поднимает открытый организованный протест рабочих против обчетов и штрафов. Здесь выступает уже не рыхлая деревенская масса, а отряд рабочих, спаянных артельной солидарностью. Управляющий прииском был вынужден сдаться.

Правда, все открытые выступления против эксплуататоров, организованные Калининскими, Бычковыми и даже Карповыми, кончались в последнем счете победой эксплуататоров и их ставленников. Стачку в с. Юровском власти сочли за бунт и разрушили, а крестьян согнали к ногам мироедов. Победа на выборах волостного старшины была сорвана административным нажимом посредника, а Бычков был посажен в волостную тюрьму. Протест приисковых рабочих кончился тем, что на прииск, по вызову управляющего, прискакали вооруженные казаки, «главные зачинщики были отправлены в Томский острог, остальные, под конвоем, препровождены обычным порядком».

Кулачество, торговцы, золотопромышленники в своей зверской эксплуатации и грабеже трудового крестьянства и рабочих опирались на штык царского жандарма, вся их гнусная «деятельность» шла при поддержке властей. Но не только это показывает в своих рассказах Наумов. Он, как вдумчивый наблюдатель, прекрасный знаток деревни, видел, знал, что масса мелких собственников склонна к действиям «порознь друг от друга», что «среди нее нет нужной солидарности».

В выборах на пост старшины крестьяне стойко защищали своего кандидата, но стоило посреднику пригрозить, как они покорились, «многие уехали с волостного схода молча, другие же подали свой голос за Трофима Кирилловича», кандидата кулаков. Организатор стачки в Юрьево Калинин, после того, как крестьяне, в результате нажима и «разъяснений» волостного старшины отвернулись от него, с грустью констатировал: «Общество наше, что скворца! Хотел с дураками пиво варить, да сколь не вали в него хмелю, оно все солодит, а в солодедом и проку нет!»

«При всем запяте энергии, в которой нельзя ему (крестьянству) отказать, — справедливо замечал Наумов, — у него недостает твердости выдержать до конца в предпринятом деле».

5

В произведениях Н. И. Наумова, как и в творчестве многих других народников-беллетристов, оказались и прогрессивная и реакционная стороны народничества.

Революционное народничество 70-80 годов Ленин характеризовал, как партию, отражавшую интересы крестьянства в преформенной России, как партию крестьянской революции, как

партию, основная заслуга которой — в решительной, самоотверженной борьбе против крепостничества и самодержавия в России. Но это же народничество, как неоднократно отмечал Ленин, создало реакционную теорию о самобытности России, о саморазвитии крестьянской общины в социализм, минуя капиталистическую стадию развития. Народники идеализировали мелкое производство, не видя его связи с капитализмом, они выступали за сохранение старых «устоев», общины.

Рост кулачества народники считали «случайным плодом внешних неблагоприятных влияний на народную жизнь». В произведениях Наумова они находили в этом отношении необходимую поддержку. Писатель не понимал, что «мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе» (Ленин). Он не замечал, что кулак растет из той же крестьянской среды. Больше того, в ряде рассказов Наумов прямо указывает, что кулачество выделяется из городского мещанства, из элементов не деревенских, в деревне не имеет корней и что кулачество, мол, растет, жиреет только потому, что его поддерживают органы государственной власти, что эта власть препятствует крестьянству бороться с ним.

В рассказе «Деревенский торгаш» Наумов так прямо и пишет: «Прохор Игнатьевич Белкин, по уличному называемый «Летлей», лет за шесть или за семь до описываемого мной времени, выселился из г. Кузнецка в село Локти и открыл в нем лавчонку». В очерке «Юровая» торговец Петр Матвеевич, в котлях которого бьется вся деревня, — также приезжий из города, а сама д. Юровая, в представлении писателя, едина и собирается бороться с приезжим торговцем «купно, всем обществом». В рассказе «Нефедовский починок» писатель рисует цветущую жизнь починок — общины, пока не появился в нем поселенец, бывший управляющий винным заводом Антон Прокопьевич, высланный в Сибирь за мошенничество. Антон Прокопьевич нарушил идиллическое жительство починок, открыл в ряде сел кабаки и началась эпопея грабежа, обмена, эксплоатации.

Кулацкий дом на окраине деревни! В устах Наумова это звучит символически. Кулацкий дом — это в представлениях Наумова не органическое явление, а некое внешнее зло деревенской жизни. Он считал, что стоит только развязать борьбу деревни против кулачества, как кулацкие дома исчезнут даже с окраин деревень. В архиве писателя мы видели черновой набросок какой-то докладной записки, датированной 1884 годом, когда Наумов служил в Мариинске непременным членом по крестьянским делам. В записке он предлагал «предоставить крестьянским обществам в Сибири права выдворять по приговорам поселяющихся в селах и деревнях мещан и купцов, замеченных в каких-либо предосудительных поступках». Так просто представлял он себе возможность предотвратить рост капитализма в деревне и обеспечить торжество общины и артельности.

Идеализация крестьянства помешала Наумову многое правильно увидеть и правильно понять. В своих произведениях

Наумов поэтому чрезвычайно односторонен. Персонажи его резко делятся на два разряда, кулак-эксплуататор — с одной стороны, «народ-страдалец» — с другой. Они не имеют между собой никаких переходов, никаких связывающих нитей. Один из своих очерков Наумов назвал «Эскизы без теней». Это название можно применить к многим его рассказам и очеркам. Это действительно, эскизы без теней.

В произведениях Наумова, есть, однако, немало страниц, в которых он показывает деревню такой, какой она была. Он не понимал причин, но он видел, что в деревне господствует свирепый неписанный закон «каждый за себя». Его перу принадлежит не мало картин, изображающих равнодушные крестьян к чужому горю, отсутствие солидарности между ними, темноту, невежество, варварство, все те черты, которые Маркс назвал «идиотизмом деревенской жизни». («Яшник», «Деревенский аукцион», «Ямщик Вавила», «Эскизы без теней»).

6

Революционное народничество 70-80 годов по характеристике Ленина было партией крестьянской революции. С дальнейшим же развитием капитализма и классовой дифференциацией крестьянства революционное народничество к 90 годам выродилось в либеральное народничество, «из крестьянского социализма получилось радикально-демократическое представительство мелкобуржуазного крестьянства» (Ленин т. 1, стр. 175).

Произошли изменения и во взглядах и в творчестве народника Наумова. В конце восьмидесятых и в девяностых годах Наумов действительно не шел в своем творчестве дальше проповеди самой элементарной гуманности, в очерках его все сильнее и сильнее стали звучать либеральные ноты, заглушая боевой революционный демократизм семидесятых годов. Он не пропагандирует уже «мужицких стачек». Рисую попрежнему эксплуатацию крестьянства, его нужду, он не призывает крестьян к борьбе с эксплуататорами, а все надежды возлагает на правительство, на власть.

В очерке «Картинка с натуры» (написан в 1893 году), в котором правдиво показаны жуткие условия жизни в Сибири переселенцев, Наумов предлагает не радикальные методы борьбы против обезземеливания крестьянства, а рекомендует паллиативы, выдвигает проект оказания правительством помощи переселенцам. «В первые два года по приходе в Сибирь, — писал он, — переселенцы почти всегда бедствуют и нуждаются в помощи, но выдавать им пособия одним только хлебом, по моему мнению, есть крайняя ошибка, вытекающая из незнания условий крестьянской жизни в Сибири. Переселенцу прежде всего нужна помощь для приобретения лошади, телеги, саней, сельскохозяйственных и домашних орудий и избы». Словом, писатель возлагает все свои надежды на благотворительность царской власти.

Либеральные тенденции, эволюция к реформизму ясно про-

глядывают и в некоторых других произведениях Наумова («Умалишенный», «Кающийся», «Зажора»).

О взглядах писателя, его настроениях в 90-х годах, чрезвычайно ярко говорит его письмо Г. Н. Потанину от 21 августа 1894 года.

«Не лень одолевает меня, — писал Наумов в этом письме, — а усталость, глубокое разочарование во всем, во всем. Вступив в жизнь в 60-е годы, тяжело, ох как тяжело переживать 90-е. Я не одряхлел еще и скажу даже более, чувствую себя в пору сил. Материала у меня много, но работать не поднимается рука... Кругом уже все изменилось. Пошли новые люди, а с ними и новые песни и стремления, но к сожалению не утешительные и по неволе спрашиваешь себя, для кого я буду писать и для чего? Рисовать таких крестьян, каких рисует Г. Гарин (Михайловский) в «Русском богатстве» я не умею, да к счастью и не встречал таких... а рисовать таких, каких видел и знаю, покажется выдуманною праздного воображения идеалиста 70-х и 60-х годов. И будет мой голос диссонансом среди хора новых певцов. Так уж лучше молчать, молчать, молчать».

7

В 90-х годах Наумов писал действительно мало. Физическая старость и болезнь писателя совпали с вырождением его народного мироощущения. Но за годы расцвета своего таланта Наумов создал ряд замечательных произведений, пропитанных революционным демократизмом 70-х годов, которые нельзя иначе расценивать, как ценное литературное наследство прошлого. Наумов забыт совершенно несправедливо.

В одной из передовых статей «Правда» указала: «Наряду с математикой и естественным изучением родного языка и художественной литературы является фундаментом для всякого образования и сколько-нибудь серьезной грамотности вообще». При изучении русской литературы, ее истории нельзя обойти писателей семидесятников, в ряду которых Наумов занимал одно из видных и почетных мест. Лучшие его произведения будили умы и помогали народу двигаться вперед. В лучших его рассказах и очерках даны яркие и правдивые картины жизни и быта крестьянства старой дореволюционной Сибири, картины «темного страдавшего мира».

Наумов был талантливым рассказчиком. Многие его очерки, отличающиеся теплой, хватающей за сердце задушевностью, читаются с опромным интересом. Картины гнета и несправедливости, нарисованные Наумовым, имеют особую выпуклость и драматичность. Писатель прекрасно знал описываемую им среду и ее язык. В его произведениях, построенных почти исключительно на диалоге, герои говорят яркими, колоритными, образным народным языком. Речь их, реплики пересыпаны афоризмами, до-словицами, типичными поговорками, присказками, сравнениями.

Вот всего только несколько примеров, которых можно было бы привести сотни:

«—У мужика-то нужды, что пузыри на дождевой луже: один лопнет, а уже два выскочат».

«—Э-эх, Анчут, Анчут! Голова-то с овин, да в овине-то клин!»

«—Язык-то у тебя на живу нитку сметан»

«—Зернышко-то на мякине держится, да через мякину. Я кормится, а все как нардеет, так мякину же к земле клонит, а не мякина его».

«—Видал, чего былиночка-то боится? Не дождя, не прозы, не холодной росы, а острой косы!»

«—Мужик-то, почитай, чище лошади на вожже-то ходит!»

«—Мое, Фрол Иванович, дело такое: не знаешь, где ляжешь, не чуешь, где встанешь! Хочу ноне своим неводом рыбу ловить».

«—Слово-то не обух, не бьет! И у березки слезки текут, когда с нее лыко дерут — не токмо наше дело».

«—В чужую кашу, ваше почтение, свою ложку не суй. Мы ее и своими расхлебаем!»

«—Таежные дорожки всяку шину вгладь оботрут».

«—Сказано, что к ихней совести правда, что к сухой лыпате песок, не пристает!»

«—Мужик, што корова, — кому не лень, тот и доит».

«—Сказано, мужику с казной, што овце с волком, не дружба».

«—Жисть! На мертвого глядя, зависть возьмет!»

В мрачные годы, когда деревня стонела под гнетом и эксплуатацией кулачества, мученически билась в тенетах административного произвола и насилий, когда поставленные помещиками начальство выкачивало подати, пороло розгами, рукоприкладствовало и охальничало над крестьянством, Наумов страстно мечтал о том дне, когда в жизни сибирского крестьянства «появится теплый луч разумной жизни, разумных человеческих отношений».

Лучи разумной жизни принесли в деревню Октябрьская социалистическая революция, колхозный строй. Прошло уже два десятилетия, как над Сибирью, над всей нашей обширной страной светит солнце новой жизни. За это время под мудрым руководством партии Ленина-Сталина создан колхозный строй, крестьянство впервые стало однородным, освободилось от эксплуатации и страха разорения, успешно ликвидирует извечное бескультурье, невежество, отсталость, техническую и культурную.

«Обычно принято говорить, что крестьянство — это такой класс мелких производителей, члены которого атомизированы, разбросаны по лицу всей страны, копаются в одиночку в своих мелких хозяйствах с их отсталой техникой, являются рабами частной собственности и безнаказанно эксплуатируются помещиками, кулаками, купцами, спекулянтами, ростовщиками

и т. п. И действительно, крестьянство в капиталистических странах, если иметь в виду его основную массу, является таким именно классом. Можно ли сказать, что наше современное крестьянство, советское крестьянство, в своей массе похоже на подобное крестьянство? Нет, нельзя этого сказать. Такого крестьянства у нас уже нет. Наше советское крестьянство является совершенно новым крестьянством. У нас нет больше помещиков и кулаков, купцов и ростовщиков, которые могли бы эксплуатировать крестьян. Стало быть, наше крестьянство есть освобожденное от эксплуатации крестьянство. Далее, наше советское крестьянство в своем подавляющем большинстве есть колхозное крестьянство, т. е. оно базирует свою работу и свое достояние не на единоличном труде и отсталой технике, а на коллективном труде и современной технике. Наконец, в основе хозяйства нашего крестьянства лежит не частная собственность, а коллективная собственность, выросшая на базе коллективного труда.

Как видите, советское крестьянство — это совершенно новое крестьянство, подобного которому еще не знала история человечества». (И. Сталин. Доклад о проекте Конституции СССР).

Молодежь наших колхозов, молодежь даже вузовского возраста только по наслышке знает о старой деревне, о том, что «При крепостных порядках «закон» разрешал продавать крепостных. При капиталистических порядках «закон» разрешает «только» обрекать трудящихся на безработицу и обнищание, на разорение и голодную смерть» (И. Сталин. «Вопросы ленинизма», изд. 10, стр. 527). А она об этом должна звать. Произведения Н. И. Наумова в художественных образах, в ярких сценах расскажут ей о мрачном прошлом дореволюционной деревни, о старой Сибири.

С. Кожевников.